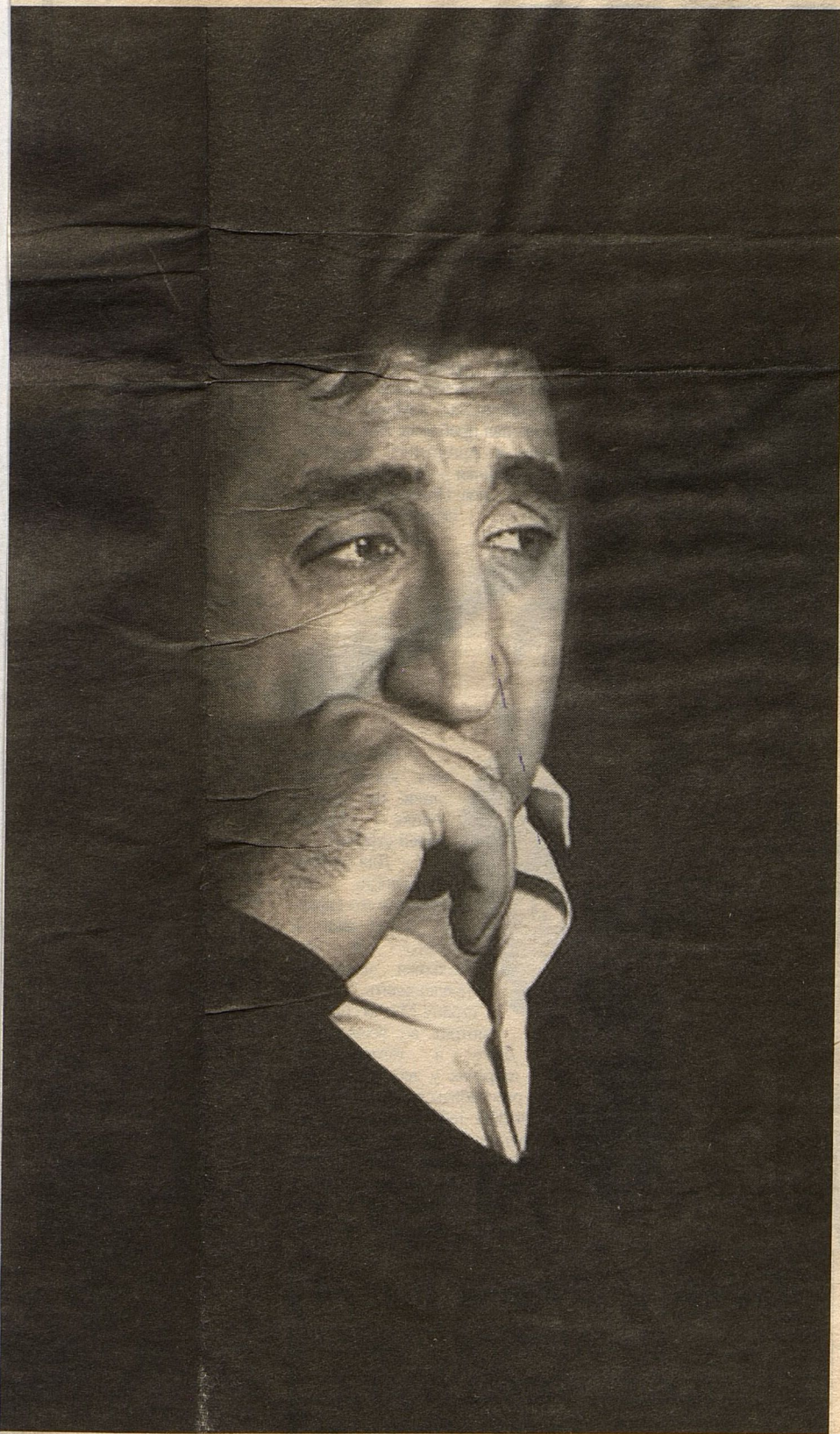

«Слушай, как я думал, что я один?»

Армения улыбается миру улыбкой
самого грустного армянина — Фрунзика Мкртчяна

Сколько себя помню, Фрунзик был. Не Фрунзе Мкртчян, а Фрунзик — изломанные в печали брови, бесконечно грустные глаза, ну и нос, сам понимаете, даже для армян выдающийся. Потом судьба распорядилась так, что мы стали соседями по зданию. Торопясь в корпункт, поднимал руку в приветственном взмахе, а Фрунзик как-то просто поднимал бровь, всегда печально изогнутую: «Привет».

Без восторга, деланного ликования. Вообще когда человек отстранен от текущего момента и живет словно бы в диалоге с вечностью, он вопиюще старомоден. Так кажется.

Ровно двадцать лет назад, в день его пятидесятилетия, я навестил Фрунзика в больнице «скорой помощи» и помню рассказ об одной актерской находке.

— Слушай, азербайджанцы пригласили меня сняться в фильме. Ну, поехал в Баку. Режиссер дает наставление: «Фрунзик, ты по роли инвалид войны. Входя в райсобес, поэтому тут же начинай права качать: я, мол, фронт прошел, ногу потерял, а вы машину никак не выделите».

— Но это уже не фронтовик, а демагог.

— Вот-вот! То же самое я сказал режиссеру. Он подумал и согласился.

— И что же?

— Решение нашел такое: резко открываю дверь собеса, вытягиваю протезную ногу и двумя руками указываю на нее: «Война!».

Одно слово, один жест — вместо целого монолога. Зрелый талант скуп. Если талант многословен, значит, он молочной спелости.

Фрунзик Мкртчян — актер великой и трагической судьбы. Сын болен, первая жена по той же причине стационарно больная (она играла в фильме «Кавказская пленница» роль жены Фрунзика, который играл водителя Саахова), дочь в прошлом году скончалась в Аргентине... Несчастный был человек, несчастье на лбу было написано.

Через пару недель после похорон Фрунзика я пригласил его брата, известного кинорежиссера Альберта Мкртчяна, к себе, и мы несколько часов рядом проговорили на кухне о его великом брате. Запомнилось: «Фрунз желал смерти, он рвался к ней, он мечтал о ней, жестоко гася в себе жизненные инстинкты. Его не время погубило и не пристрастие к вину и табаку... Нет, он сознательно шел к своей гибели, не имея сил пережить болезнь сына и жены — огромное семейное горе».

Пусть так. Однако как быть с той непреложной истиной, что трагические случайности только кажутся случайностями, но на самом деле вписываются если не в природу общества, то в естественный круговорот? Впрочем, они где-то взаимосвязаны: война уносит мужчин — и в то же время женщины рожают мальчиков больше, нежели девочек. Ибо из огромного количества парней выходят единицы мужчин. Из шестидесятых — Гагарин, Окуджава да Фрунзик Мкртчян. Из девятнадцатого века России — Чехов да Толстой, мужчины Слова...

Теперь Фрунзику было бы семьдесят лет, но сознание не хочет мириться с невеселым воображением, рисующим замечательного артиста шаркающим стариком с провалами в памяти, мучающегося, безумно страдающего от безумия близких.

О нет! Он веселил наши сердца десятилетия и лишь однажды омрачил праздник — умер аккурат под Новый год, и тридцать первого ночью армяне пили первый бокал без звона и молча... Было блокадное время, в дома не подавалось электричество, и всем казалось — конец света.

